

С этого номера рубрики «Стратегия выживания» и «Перспективы человека» объединены в одну — «Глобалистика и футурологи».

В рубрике продолжается прямая и косвенная полемика, неоднократно возобновлявшаяся на страницах «ОНС» за последние годы, между «алармистам!», видящими в удалении цивилизации от природы безусловное зло, «технологическими оптимистами», полагающими, что неизбежные издержки данной тенденции перекрываются позитивными результатами, и сторонниками конструктивистского сценарного подхода, которые рассматривают процесс денатурализации человеческого бытия не как трагедию или повод для восторгов, а как *проблему*. Перспективы изменяющегося соотношения между «естественными» и «искусственными» параметрами человеческого бытия останутся одной из стержневых тем, обсуждаемых в настоящей рубрике.

А. А. БРУДНЫЙ

Природа и культура: великое противостояние

Здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в бессмысленном ходе человеческих дел цель природы.

И. Кант

Культура

Культура как тема обсуждения предполагает ряд очевидных интерпретаций.

Так, кажется очевидным, что рост культуры будет способствовать пониманию экологических проблем: соответственно, надо обсуждать, какие именно ценности культуры в наибольшей степени способствуют росту понимания экологических нужд человеческого рода и как эти ценности распространять.

Формулировка проблемы выглядит примитивной, но не все примитивное абсурдно — это, во-первых, а во-вторых, решение экологических проблем, равно как и их возникновение, роковым образом зависит от людей ограниченных в интеллектуальном и культурном плане. Таковы обычно люди, принимающие решения, и люди, поведение и деятельность которых эти проблемы создают.

Но обсуждение темы «Экология и культура», конечно же, не сводится только к этому. Как известно, слово «культура» имеет в качестве исходного латинское

Брудный Арон Абрамович — врач, психолог, доктор философских наук. Член-корреспондент Киргизской академии наук.

«culere», что означало и обрабатывать (землю), и совершенствовать, и почитать. Все оттенки в позднейшем употреблении слова «культура» сохранились; но любопытно, что первоначально культура означала изменение природы в интересах человека, точнее, возделывание земли. И параллельно возникает метафора «cultura animi», употребляемая Цицероном, — «культура (совершенствование) души», «духовная культура».

Европейская культура, которой мы все столь многим обязаны, есть, в сущности, плод самосознания бывших провинций Римской империи. Не исключено, что новая евроазиатская культура будет результатом развития самосознания бывших провинций советской империи. Возможно, здесь сложится иное понимание культуры, а значит, другая культура. В какой форме в эту культуру войдет отношение к природе (и к биосфере в частности)? Замечу, что в европейской традиции культура есть проявление и следствие процесса, который выражается в обживании, «одомашнивании» окружающего мира.

Восточное понимание культуры, восточные культурные традиции, бесспорно, противостоят тому, что С. Третьяков в 20-е годы именовал «американизацией человеческой души»...

Конфуция однажды спросили: как следует людям относиться к богам и демонам?

— Никак, — ответил Учитель. — Люди еще не научились относиться друг к другу.

Это очень глубокое замечание, и касается оно культуры самым непосредственным образом. Дело в том, что в современных *cultural studies* постепенно формируется обоснованное представление о культуре как об определенной форме человеческих отношений, опредмеченной ценностью. Культура в таком понимании — выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, смысл, ценность. Это не исчерпывающее определение (исчерпывающих и нет), но оно указывает на важную сторону культуры, может быть, самую важную. И связывающую ее с экологией. Ведь отношение людей к природе есть превращенная форма их взаимосвязи. Соответственно, культура людей в свернутом виде включает в себя их отношение к природе вообще, и к живой природе в частности.

В методологическом плане важно, что предметом экологии является отношение к природе как к среде обитания живых существ и взаимосвязь их.

Обратим особое внимание на сущность феноменов культуры: связь между ними — это связь между их значениями.

Суть феноменов культуры в том, что они имеют значение для людей, а это, в свою очередь, постепенно обращается в знак. Так, в постсоциалистическом обществе собственный автомобиль — не только средство передвижения, не только роскошь (он может выступать и в этой функции), но и знак общественного положения (тут уже и марка автомобиля может играть роль). Полностью смещаясь в пространство культуры, вещи становятся знаками. В крайнем выражении — это вещь, выставленная в музее; там она знак самой себя. Вот, например, римский меч: он обнажен, но не для салюта, он за стеклом; это знак всех римских мечей — такими они были. Треуголка Суворова за стеклом музейной витрины тоже лишь знак самой себя. Треуголкой Суворова она была, когда ее могли пробить пули.

Итак, в культуре овеществляются, опредмечиваются отношения между людьми, и данное овеществление семиотично. Имеет ли это отношение к экологии? Прямое. Возьмем в качестве примера национальные парки. Национальный парк — и часть природы, и часть культуры. Он — знак природы, какой она была. Подобное утверждение может показаться пессимистичным или парадоксальным, но, в сущности, справедливо.

Свойство и тенденция бытования культуры — обращать все в знак — начинаются именно с отношения людей к природе, которая, как им (не без основания) кажется, небезразлична к их существованию.

Метафора

Видение природных явлений становится метафорическим, т. е. основанным на сравнении (исходная точка образования знака и появления мысли и есть сравнение), что в высшей степени отчетливо проявилось при возникновении религиозного мышления. Так, экологическое значение тотема может стать предметом дискуссии специалистов различного профиля. Но для нас существенно то, что взгляд на природу остался метафорическим, и в этом качестве ее понимание представляет немалый интерес: «Крупные красивые птицы (их всего было тринадцать) летели треугольником, резко и редко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянув голову и ноги, круто выставив грудь, они стремились неудержимо и до того быстро, что воздух свистал вокруг. Чудно было видеть на такой высоте, в таком удалении от всего живого такую горячую сильную жизнь, такую непреклонную волю. Не переставая победоносно рассекать пространство, журавли изредка перекинулись с передовым товарищем, с вожаком, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо самоуверенное в этих громких возгласах, в этом подоблачном разговоре. «Мы долетим, небось, хоть и трудно»,— казалось, говорили они, ободряя друг друга. И тут мне пришло в голову, что таких людей, каковы были эти птицы, в России — где в России! в целом свете немного» [1]. Таких примеров можно привести сотни (а в данном случае это уже становится доказательством).

Вот те же перелетные птицы, взятые в масштабах, более широких, нежели один конкретный вид: эти птицы «в странах южных не поют, не веселятся, не любят, не гнездятся — кроме немногих космополитов, изменяющих родине»¹. Необязательно перелетные:

«...доносится ветер с полей
И филин рыдает, как Вертер, над серенькой мышкой своей.
Уже он не первую губит, не первые стоны слышны,
Он плоть их невинную любит, а души ему не нужны»,

— пишет Булат Окуджава [3]. Постепенно метафорическое видение природы становится доминирующим, и, упомянув, что Ф. Жамм «оправдывал и голубя, и коршуна», И. Эренбург вынужден был добавить: «Я говорю сейчас о птицах, а не о классах общества» [4].

Метафора объемлет мир и человечество. Как заметил читатель, вопрос об исходной точке метафоры (о внешнем сходстве) здесь намеренно элиминирован. Оно, конечно, существует, это сходство. О нем просто и ярко пишет С. Довлатов: «Верблюд был похож на моего первого учителя химии. Уссурийский тигр был приукрашенной копией Сталина. Орангутанг выглядел стареющим актером, за плечами у которого бурная жизнь» [5]. Но это именно троп, исходная точка, которую метафора миновала.

Метафорическое видение мира современные психологи (в частности представляющие такие направления, как глубинная и радикальная психология) склонны связывать с генезисом человека и, соответственно, с человеческой культурой.

Так, метафорически явления живой природы вписываются в человеческую культуру. Так, понимание мира способно постепенно обрести новое качество. Но подобная метафоризация человеческого познания, придание ему экологического измерения — тема особая.

В то же время экология и культура пересекаются в сущностной стороне человеческого бытия — в самой структуре человека, в его происхождении, в его устройстве.

Х. Дельгадо, известный в 60—70-е годы нашего века нейрофизиолог, выдвинул тезис: «Человек некогда использовал свой интеллект, чтобы добиться своего экологического освобождения, т. е. чтобы он не мок при дожде, не зяб после заката солнца, не становился жертвой голодных хищников. Теперь он может добиться

¹ Термины могут показаться отражающими советскую патриотическую идеологию середины века. Но все не так просто — это писалось в 1929 году в Париже в эмигрантской прессе [2].

своего психического освобождения. ...Мозг сам может научиться разумно реконструировать свою структуру, свои функции. И для будущего человечества в высшей степени важно, чтобы мы к этому пришли» [6]. Думается, это в равной степени экологическая, биотехническая и культурная проблема. Человек в основе своей — действительная часть природы (морфологически, физиологически, биологически), и вполне возможно, что реализация биоинженерных способов изменения его существования должна стать полем наиболее полного взаимопроникновения экологии и культуры.

На стыке исследования проблем экологии и культуры находится и весьма важное положение, сформулированное В. Вернадским, о том, что *Homo sapiens* не есть завершение созидания. Он является промежуточным звеном в цепи существ, которые имеют прошлое и, конечно же, будущее. Но как это может произойти? Ведь «с момента прекращения действия естественного отбора должна была остановиться и биологическая эволюция человека. Это, несомненно, и произошло около 50 000 лет тому назад» [7],— утверждал выдающийся краниолог, опираясь на анализ обширного остеологического материала. При этом он, как и значительная часть исследователей эволюции, оставил вне поля зрения половой отбор, который Ч. Дарвин считал решающим фактором происхождения человека.

Вполне возможно, что половой отбор лежит в первооснове зарождения и формирования культуры. Половой отбор не только стимулирует проявления продуктивных творческих возможностей индивида, он служит источником символических форм поведения, а следовательно, и важным фактором развития культуры. Знак и половой отбор глубинно взаимосвязаны, а значит, взаимосвязаны биологические сторюны происхождения человеческого рода и происхождения его культуры.

Существование и сущность

В классической немецкой философской традиции главное место в размышлениях ученых занимает не существование, но сущность: познание рассматривается как движение в глубь, к сущности. Между тем существование представляет собой имманентную и для субъекта, и для объекта черту бытия, не сводимую к сущности. Как погружение в глубь человеческого лица приведет нас к черепу, так и погружение в глубь сознания уводит нас к физиологическим структурам, на которых держится его существование, но к которым оно не сводится.

С половым отбором связаны ситуация выбора и перебор возможностей — темы, весьма специфичные с точки зрения отношения к ним различных вероучений и философских течений.

Подлинное мерило человеческого Я — это пути, которые мы выбираем, и расстояния, которые мы способны пройти. Таким образом, мерило человеческого Я образовано иерархией всех возможностей, открытых перед индивидом (1), множеством осознанных возможностей (2) и теми из них, которые удалось реализовать (3). Классический экзистенциализм гипостазировал ситуацию выбора, сосредоточась на переходе от уровня 2 к уровню 3. Но в процессе существования и взаимодействия индивидов велика не столько роль выбора между осознанными возможностями, сколько переход к реализации возможностей, выявленных под сознанием. Перспективы их реализации человек зачастую не в состоянии осознать. Если же выбор действительно имеет место, он происходит между прямым продолжением уже известного и предполагаемым, но точно не известным [8].

В римском праве отчетливо дифференцировались *res fungibilis* и *res infungibilis* — вещи: 1) заменимые одна другой в силу их подобия и 2) незаменимые из-за их различия. В этой норме юридически зафиксировано различие, возникающее в отношениях особей как проявление и следствие полового отбора: происходит предпочтение одной особи другой, фиксируется их неподобие, *что* превращается в *кто*. В половом отборе содержится начало индивидуации, с ним же, возможно, связана в генезисе своем и первичность индивидуального сознания по отношению к общественному бытию.

Радикальная психология придает особое значение дифференциации трех видов сознания: прецедентного, интердиктивного и юстициального. Прецедентное сознание (предположительно первичное) основано на принципе осознанного подобию поступков; кажется возможным совершить такой же поступок, поскольку его уже совершил другой. Интердиктивное сознание базируется на воспрещении тех или иных поступков как таковых (десять заповедей почти целиком строятся на воспрещениях). И, наконец, юстициальное сознание строится на понимании (чаще всего смутном) того, что один поступок справедлив и верен, а другой неверен и несправедлив. Неоспоримо, что социальные условия служат базисом формирования неоднозначных видов сознания, которым соответствуют отношения между людьми и их поступками. Но любопытно, что полностью описанные в Ветхом завете эти три вида сознания так или иначе соотносятся с оппозицией «мужчина—женщина».

Как показывает радикальная психология, отношение к женщине тройко: к той, что родила; к той, которой веришь; к той, которая губит. А. де Монтерлан полагал, что история — это одна и та же пьеса, которую играют различные актеры. Если данная метафора убедительна, то мать, подруга, погубительница — три главные женские роли в пьесе, которая идет на подмостках жизни с доисторических времен. Метафора Монтерлана особенно интересна в сопоставлении с определением театра как места, в котором людям показывают, на что они способны.

Внимательный наблюдатель исторически существенных человеческих свойств В. Шульгин отмечал, что «у женщин чувственность просыпается, когда к ней прикасается „герой“. Герой нашего времени, разумеется. Ибо для каждой эпохи — свои герои. Это, вероятно, те, кто дают для данной эпохи наиболее нужное потомство. В этих случаях инстинкт женщины иногда на правильном пути. Она бессознательно стремится спасти вырождающуюся расу» [9]. Эта ориентация вообще характерна для полового отбора: от сближения, влечения (горизонталь) к потомству (вертикаль, уходящая в будущее). Сущность полового отбора заключается в том, что две особи соединяются, чтобы послать в будущее те компоненты прошлого, которые доминируют при выживании. Разумеется, как и любое природное начало, половой отбор действует путем проб и ошибок, но эффективность удачных проб была в человеческом обществе заметно выше, чем негативные следствия ошибок. В результате возможности индивида постепенно возрастали. Однако со временем рост деструктивных возможностей индивида начал ускоряться, а к концу XX века стал стремительным. Мы не осознаем, что в XXI веке общество может быть полностью уничтожено в результате действий конкретных индивидов, а не общественных классов, наций и государств.

В условиях естественного отбора жизнь животного находится под постоянной угрозой, поэтому чувство боли культивируется эволюцией как необходимая форма сигнализации о непосредственно угрожающей опасности: чтобы выжить, надо быть начеку. На социальном этапе развития жизни этот механизм, заложенный эволюцией в мозг, в субстрат субъективного мира человека, существует и функционирует в снятом виде. Способность индивида ощутить страдание и испытать сострадание занимает видное место среди факторов, формирующих культуру психологически. Весьма любопытно в этой связи, что и любовь как личное чувство создается эвентуальной угрозой потери любимого существа (и этим любовь решительно отличается от страсти). Взаимосвязь любви, страдания и страха встроена в многочисленные ритуальные ситуации, которыми обставлены и заслонены вращение полового отбора в жизнь общества, его (всегда частичная) социализация.

Как отмечает А. Мэрдок, «секс заявляет о своем всепоглощающем присутствии почти при любом положении вещей» [10]. Однако всегда ли поступают в сознание его заявления? З. Фрейд утверждал, что их прячут, большинство же философов полагают, что подобных заявлений вообще не было — типичная уловка бюрократического мышления. Это, кстати сказать, еще одно подтверждение: в мышлении трансформируются силы, господствующие в бытии.

Сон и смерть

Проблема соотношения сил, символизирующих сон, смерть и половое влечение в первобытном сознании, нашла архетипическое воплощение в коллективном бессознательном и может быть исследована на основе интерпретации интроспективных данных, анализа сновидений, фольклора, произведений архаического и современного искусств.

Согласно Библии, в Эдеме, помимо древа познания добра и зла, существовало и древо уничтожения смерти. Это упоминание вскользь исключительно важно. Оба древа символизируют две великие возможности, влечение к которым возникло в архетипическом сознании. Личное бессмертие оказывается в конечном счете менее привлекательным, нежели Эрос, порождающий бессмертие человеческого рода. Однако действительность при этом становится силой, несущей смерть. «Принцип удовольствия противостоит принципу реальности (Фрейд), как Эрос Танатосу (Маркузе), как опыт теории. Ангелы и демоны постоянно меняются местами, и бой, **который они ведут, может иметь** только короткие передышки и счастливые эпохи, когда на некоторое время устанавливается своеобразное равновесие сил...» [11].

Нельзя согласиться с Э. Форстером, который утверждает, что рождение и смерть, эти важнейшие факты человеческого существования, отсутствуют в нашем опыте. В личном — да, но они присутствуют в совместно разделяемом нами опыте прошлого, в коллективном бессознательном, которым мы владеем сообща. И опыт этот решительно отличается от личного: в архетипическом сознании запечатлелось представление, что смерть угрожающе вероятна, внезапна, но не неизбежна; жизнь в общем непродолжительна, люди, по существу, не знали «естественной смерти», они гибли, а гибель всегда несет в себе элемент случайности.

Вера в воскрешение, в различных формах проявляющая себя во множестве религий, находит частичное объяснение в том, что сон (с неизбежным пробуждением!) представляется даже более неотвратимым, чем смерть. Тысячи лет продолжительность индивидуального существования была невелика, и абстрактное понятие естественной смерти формировалось достаточно долго; оно остается отвлеченным от уровня обыденного сознания и по сейчас. Смерть естественной не бывает. Находя и называя ее конкретные причины (заболевание, несчастный случай), мы подсознательно утверждаем, что вне этих причин жизнь, бесспорно, продолжалась бы. Это личное убеждение, кажущееся вполне современным, на самом деле совершенно архаично и господствовало в первобытном мышлении. Сравнивая Гипнос и Танатос, силы сна и смерти, мы могли бы сказать, что Танатос страшен, а Гипнос непобедим.

Следует предположить, что иррационализм архаического сознания является той мощной и, возможно, исторически непобедимой силой, которая позволяет индивиду устоять в борьбе с абсурдом реальной действительности. Иррациональные компоненты архаического сознания по сути содействовали сохранению человеческого рода. Замечательно в этой связи, что Эрос противостоит не только Танатосу, но и плоской рациональности во всех многочисленных проявлениях.

Есть, однако, иная интерпретация несомненных возможностей, которыми обладает иррациональное начало, пришедшее в нашу психику из глубин архаического мышления. «Может быть, мы просто не в состоянии увидеть сверхъестественные силы, действующие позади естественных. Вопрос о разнице между естественным и сверхъестественным оставим пока в стороне. Но это не значит, что сверхъестественного вообще нет: просто вы свою неспособность понять возводите до уровня всеобщего закона»² [12]. По М. Элиадэ, раньше мы были в состоянии слышать Бога и говорить с ним, затем — лишь обращаться к нему, а теперь Бог

² Любопытно сравнить эту классически ясную формулировку с тем, что впоследствии увидел и понял О. Хаксли, изменив состояние своего сознания [13].

сошел с ярко освещенной поверхности сознания в его глубины. Все эти подходы также должны учитываться в концепции «архаического синдрома», развиваемой И. Следзевским. Вопрос о природе иррационального остается открытым.

В одной из замечательных философских притч Э. Ионеско афористически сформулирована проблема, которую я хочу рассмотреть в заключение. «Существует человек созерцательный: он стремится приспособиться к миру. Существует человек деятельный: он стремится приспособить мир к себе. Какое же решение верное? Нужно, чтобы и мир, и человек сделали шаг навстречу друг к другу» [14]. Это возможно, если речь идет о живом слое Мира — о биосфере. Данный шаг был сделан в эпоху, когда в первобытном обществе господствовала женщина, были одомашнены животные, составлявшие неотъемлемый элемент биоценоза, в который вписывались пещерные поселения людей. В результате сопряженной эволюции в домашней собаке был воплощен женский идеал мужчины (верный, сильный, бесстрашный страж очага и охотник, приносящий добычу), а проекция собственного идеального образа — в домашней кошке (независимая, гибкая, хищная, ласковая, любимая детьми). Эти и другие плоды эпохи сопряженной эволюции — воплощенные шаги биосферы и социосферы навстречу друг к другу. Но если мы решимся снова вступить на путь сопряженной эволюции (а мы должны это сделать!), от человека потребуется многое: ему необходимо стать заботливым обитателем биосферы, осуществлять сопряженное развитие со всем человечеством, осознать собственную роль и функции в естественно-историческом процессе, который может привести к тому, что видовые особенности человека модифицируются.

Многолетняя борьба с философией Ф. Ницше, евгеникой, социобиологией постепенно табуировала представление о том, что «человек нынешний» эволюционно несовершенен и может изменяться. Обсуждение этой проблемы увело бы нас в сторону от основной темы, но я хотел бы ясно определить отношение к этому вопросу: его постановка правомерна, анализ эволюции функций человеческой психики с точки зрения биологической вполне оправдан. Экологическое мировоззрение не должно чураться ничего биологического и ничего эволюционного в индивиде.

Культура и цивилизация

Культура изменяет способ существования природы. Она в состоянии ее разрушить, изменить, сохранить, сделать предметом поклонения. Но, видимо, не в ее силах стать полностью нейтральной по отношению к природе, никак не влияя на ее существование. Земной шар для этого слишком мал. Недаром в США существует выражение «culture — vulture» («культура — стервятница»).

Как соотносятся человек и человечество? Посредством полового отбора, посредством культуры. Как соотносятся человек и общество? Посредством цивилизации. Организм обращается в организацию, происходит превращение силы одного в силу многих, в силу надличную, подобную обручам для бочки — скрепляющую и поэтому особенно твердую, почти что не живую. Вспомните определение кости; «наименее живое в живом». Именно поэтому кость является опорной конструкцией, а система костей — скелетом. Противопоставление Греции Риму как культуры—цивилизации стало общим местом в популярных работах: обычно при этом возносят Грецию и поносят Рим, упуская из виду, что мы живем в мире, где гораздо больше обломков Рима, чем следов существования Греции.

Оппозиция «культура—цивилизация» имеет, возможно, серьезный теоретический смысл. Но по существу дела — в экологическом аспекте — культура и цивилизация это две руки человечества. Утверждать, что правая не знает, что творит левая — самообман человечества. Правая *не хочет* знать, что творит левая. Самообман — типичное состояние человечества, причем настолько типичное, что невольно начинает казаться, что он составляет некоторое необ-

ходимое условие человеческого существования, выступающее в различных формах, которые и являются частью культуры³.

Следует ли из сказанного, что природа обречена на то, чтобы превратиться в знак своего первозданного существования, как, например, стал знаком полового отбора брак? Или абсолютное невнимание к изменениям в культуре человечества, в биологии и поведении представителей человеческого рода, в среде его существования приведет к решающим, может быть, катастрофическим переменам в биосфере?

В работе одного из современных утопистов (призывающего, между прочим, «отказаться от бескрайних полей со стоящими по ранжиру колосьями, которые и обрабатывать надо дивизиям хлеборобов под прикрытием чудовищных комбайнов» [16, с. 50]) содержится небезынтересное утверждение: «живые организмы, вовлеченные в техносферу — посевы сельскохозяйственных культур, одомашненные животные, посадки лесов в промышленных целях,— все более механизуются. Они становятся все более несамостоятельными, неспособными существовать без вмешательства человека, их биологические характеристики ориентированы не на выживание, а на производство максимальных количеств необходимых человеку продуктов. Это — фабрики для производства зерна, мяса, молока, древесины. Жизнь перестраивается по образцу технических систем и даже стандартизируется: землю покрывают одинаковые поля, фермы, лесопосадки, газоны...» [16, с. 46].

Здесь прослеживается любопытная ситуация: сельскохозяйственным культурам и домашнему скоту не выжить без людей, а людям — без них, «у каждого есть то, что необходимо другому». Стоит ли это считать чем-то противоречащим генеральному направлению развития человечества (если такое направление существует)?

Отсюда возникает вопрос о «наиболее безумной» (или наиболее замечательной?) идее И. Сталина о лесозащитных полосах, о лесопосадках, масштабы которых должны были в конечном счете превзойти спонтанно возникавшие «природные» леса. Речь шла об изменении климата и состоянии атмосферы, а не о «фабрике древесины». Почему менее безумна идея эколога — города, который вписался в природу, открыл ей свои врата; почему менее безумны современные идеи «созополисов» — «городов спасения»⁴ от стресса, от индустрии, от политики? Только ли потому, что деревья растут сами, а намеченные для лесопосадок площади необходимы для сельскохозяйственных целей? Или потому, что тратить деньги на города — политически оправдано, а на леса — нет?

Говорят, что леса посадил Бог, а города построили люди. Но если Бог есть, то он построил и города — руками людей. И он может сажать леса — их руками.

С иррелигиозной (единственно научной) точки зрения одной из существенных причин возникновения и существования экологических проблем является психология человека.

Закон отсрочки

Если обратиться к сущности экологической проблематики, выясняется, что в психологическом смысле она обусловлена двумя фундаментальными психологическими закономерностями: ослаблением отсроченных реакций и формированием сфероидальной социальной перцепции⁵. Происхождение человека восходит к малым группам, относительно медленно передвигающимся по небольшим территориям, а в пещерные времена многие поколения людей не меняли места пребывания — прообраз городов! Все, что уходит за горизонт, уже менее значимо,

³ См. у Слуцкого: «Иллюзия давала стал и кров/родильный дом и крышку гробовую/зато взамен брала живую кровь/ — не иллюзорную, живую» [15].

⁴ Таковы, например, Косанты и Аркосанты в США, но к этому частному примеру, сообщенному мне проф. Кавтарадзе, идея «созополиса» не сводится.

⁵ То есть пропорциональной зависимостью смыслового восприятия явлений от их частотности.

большие числа и большие расстояния не имеют зримого воплощения, а достаточно продолжительные отрезки времени тоже уходят за горизонт смыслового восприятия. Если корабль тонет медленно, то все плывущие на нем постепенно проникаются уверенностью, что он потонет не сегодня, и засыпают с мыслью, что он не утонет вообще.

Люди победили чуму и оспу потому, что они не знали отсрочки — смерть была налицо. У рака она вяло отсрочена, а у инфаркта — непредсказуемо внезапна, как кирпич со старого балкона. Тут, конечно же, подсознательно важную роль играет то обстоятельство, что рак (как, впрочем, и инфаркт) редко поражает молодых, им вообще непонятно, что их ждет, оценка жизни у них иная. Когда смерть возникает рядом как точка отсчета ценности жизни (во время эпидемий, например), сфероид социальной перцепции становится иным, картина мира меняется, как во время войны, и в поиск средств борьбы включаются динамичный интеллект и одаренность молодежи. Надвигающаяся катастрофа — мощный стимул только тогда, когда она у порога и непосредственно угрожает наиболее креативной части мыслящего человечества. В экологическом плане этот стимул еще недостаточно мощный.

Разумеется, не следует исключать и того, что вся экологическая проблематика — это порождение непреодолимого природного знака, ограничивающего возможности и численность человечества. Природа просто сокращает человеческую популяцию пандемиями гриппа, промышленными отходами, СПИДом; природа может и ликвидировать эту популяцию (например ядерным или биологическим оружием). Но процесс значительно более тонок и сложен, чем это позволяют заметить грубые приближения. Так, пандемия гриппа, которая унесла больше жизней, чем Первая мировая война, последовала непосредственно за ней. Что бы произошло, если бы они совпали? И что бы произошло, если бы атомной бомбе нашли применение в начале, а не в середине 40-х? Это ничтожная часть примеров, которые начиная с четвертого вюрмского оледенения характеризуют существование человечества как процесс весьма маловероятный. В какой мере он случаен в масштабах Вселенной?

От ответа на последний вопрос зависит и ответ на вопрос о том, напрасны ли усилия тех, кто защищает от человека естественную среду его обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тургенев И. С.* Сочинения. Т. 7. М., 1981. С. 214.
2. *Осоргин М.* Мечта о крыльях // Химия и жизнь. 1992. № 2. С. 7.
3. *Окуджава Б.* Осень в Царском селе // Арбат, мой Арбат. М., 1976. С. 49.
4. *Эренбург И.* Собрание сочинений. Т. 8. М., 1993. С. 78.
5. *Довлатов С.* Зона. Алма-Ата, 1995. С. 338.
6. *Дельгадо Х.* Конструировать человека // Диалоги. М., 1975. С. 240.
7. *Быстрое А. Я.* Прошлое, настоящее и будущее человека. Л., 1957. С. 299.
8. *Махов А., Пешиков И.* Человек и его возможности // Третий апокриф. М., 1994. С. 136, 137.
9. *Шульгин В. В.* Дни. М., 1927. С. 96.
10. *Мэрдок А.* Дитя слова. М., 1981. С. 128.
11. *Гарден Жан-Клод.* Теоретическая археология. М., 1983. С. 265, 266.
12. *Хаксли О.* Контрапункт. М., 1936. С. 314.
13. *Хаксли О.* Двери восприятия. Рай и Ад. М., 1994.
14. *Ионеско Э.* Носорог. М., 1991. С. 105.
15. *Слуцкий Б.* Я историю излагаю. М., 1990. С. 142, 143.
16. *Любарский Г.* Экология техники // Знание—сила. 1995, № 4.